

IV. РЕЦЕНЗИИ

GALLAGHER SH., SCHMICKING D. (EDITORS)

HANDBOOK OF PHENOMENOLOGY AND COGNITIVE SCIENCE.

SPRINGER, 2010

(Руководство по феноменологии и когнитивным наукам /
под ред. Ш. Галлагера, Д. Шмикинга)

Руководство по феноменологии и когнитивным наукам посвящено взаимодействию между этими двумя областями исследования. Оно состоит из восьми разделов, включающих в себя тематические главы, написанные разными исследователями. Первый раздел представляет в общих чертах взаимоотношения между феноменологией и экспериментальной когнитивной наукой. Второй раздел концентрируется на проблематике сознания и эмоций. Третий и четвертый разделы представляют проблематику телесности и интерсубъективности, соответственно. Пятый раздел посвящен восприятию и действию, тогда как шестой — проблеме языка и смысла. Седьмой раздел включает в себя предложения по практическому применению феноменологии — в частности, в психофизике и нейрофизиологии. Последний, восьмой раздел посвящен разного рода психическим патологиям, прояснению которых служит феноменология, и которые, в свою очередь, позволяют пролить свет на структуру сознания.

В своей программной статье «Натурализованная феноменология» *Дан Захави* ставит вопрос о возможности сотрудничества между феноменологией и опытными науками. Последние характеризуются своей натуралистической установкой, тогда как феноменология по своей сути трансцендентальна — отсюда невозможность простого сведения феноменологии к когнитивной науке. Однако сохранение идентичности как проекта экспериментальной науки, так и проекта феноменологии не исключает взаимовыгодного сотрудничества между ними. В самом деле, феноменология описывает аспекты сознания, исследуемые также и другими науками, а, следовательно, она

© Ф. Станжевский, 2013

в определенной степени разделяет с ними их область исследований: в конце концов, сознание также является частью природы.¹

Феноменология интересуется перспективой первого лица, смыслом, который те или иные явления обладают для субъекта — но ведь такие науки, как психология развития, психопатология, когнитивная психология также предоставляют описания на личностном уровне, которые могут представлять ценность для феноменологии (например, описания разных типов памяти в когнитивной психологии). Феноменология и экспериментальные науки могут сослужить друг другу вполне определенную и «измеримую» службу. В самом деле, феноменология может предоставить детальное и точное описание экспланандума — явления, нуждающегося в научном объяснении. В свою очередь, такая область науки, как нейрофизиология, исследующая нейронные корреляты функций сознания, позволяет подвергнуть испытанию первоначальное описание — верифицировать его или, напротив, поставить под вопрос и таким образом мотивировать дальнейший, более точный феноменологический анализ. С другой стороны, введение феноменологических различий в науку позволит избежать упрощений или путаницы — так, феноменологическая дистинкция предрефлективного и рефлективного сознания может быть полезна в психологии развития (считается, что тест на распознавание себя в зеркале является мерилем сознания; упомянутая дистинкция позволяет установить, что речь идет о более высокой, рефлективной форме сознания).²

Возможность дальнейшего сближения между наукой с ее натуралистической установкой и феноменологией с ее трансцендентальным горизонтом напрямую зависит от интерпретации понятий природы и трансцендентальности, соответственно. С одной стороны, необходимо рассмотреть расширенное понятие природы, которое не сводится к тому, что открывают естественные науки. В таком понятии природы может найтись место для смысла, контекста, перспективы, возможностей (*affordances* Дж. Гибсона). С другой стороны, необходимо преодолеть статическую дихотомию трансцендентального и эмпирического. Такое преодоление возможно, в частности, благодаря анализу временного измерения сознания, а также благодаря исследованию телесности и интересубъективности; по словам Мерло-Понти, анализ интересубъективности позволяет трансцендентальному приобрести историческое измерение.

Шон Галлагер в статье «Феноменология и нередукционистская когнитивная наука» вырабатывает концепцию когнитивной науки, принимающей

¹ Gallagher Sh., Schmicking D. (editors). Handbook of Phenomenology and Cognitive Science. Springer, 2010. S. 8.

² Хахалова А. А. «Проблемы метода (феноменология и другие науки о сознании)» (рукопись).

всерьез субъективный опыт и перспективу первого лица. Перед такой наукой встает проблема адекватного описания субъективного опыта испытуемого как необходимого фактора в постановке и интерпретации эксперимента. Один из вариантов решения этой проблемы предлагается нейрофеноменологией, основанной *Ф. Варела*; согласно этому методу участник эксперимента совершает феноменологическую редукцию, заключая в скобки обыденные концепции и предрефлективные теории «народной психологии» и концентрируется на самом опыте, на том, *как*, а не *что* он переживает. Такого рода редукция позволяет осуществлять контроль субъективного опыта, который в противном случае был бы менее упорядочен и труднее выразим.

Морис Мерло-Понти неоднократно предлагал феноменологическую интерпретацию опытов, поставленных учеными. *Галлагер* считает, что феноменология не обязана ограничиваться такого рода ретроактивными интерпретациями экспериментов — интерпретациями, предлагаемыми *post factum*. В отсутствии дальнейшего тестирования и проверки эти интерпретации, как бы убедительны они ни были, остаются лишь альтернативными истолкованиями эксперимента. *Галлагер* предлагает не ретроспективную, а напротив — фронтальную феноменологию, позволяющую планировать и ставить эксперименты, исходя из феноменологических дистинкций. Так, различение ощущения авторства действия (*sense of agency*) и чувства принадлежности действия (*sense of ownership*) позволяет ставить эксперименты, нацеленные на выявление нейронных коррелятов этих феноменов (упомянутое различие можно понять на простом примере: если я падаю под воздействием толчка со стороны, у меня есть чувство принадлежности действия (падения) — ведь это происходит с моим телом, но нет чувства авторства — ведь действие инициировано не мной). Однако ряд экспериментов, описанных *Галлагером*, позволяет предположить, что сам феномен чувства авторства неоднороден и включает в себя такие факторы, как авторство в отношении намерения, с которым я начинаю действие и авторство в отношении моторного контроля по мере совершения действия. Таким образом, взаимодействие между феноменологическим анализом и экспериментальной проверкой имеет вид диалектического отношения, в котором феноменология направляет опыт, а последний проливает свет на феноменологические понятия. Это отношение, по всей вероятности, близко к тому, что *Поль Рикер* понимал под диалектикой понимания и объяснения.

Невозможно отдать должное всему многообразию взглядов и аргументов, представленных в этом сборнике столь впечатляющих размеров. Так, *Дороте Легран (Dorothee Legrand)* в своей статье обосновывает телесность нашего самосознания, опровергая мнимые контрпримеры — прежде всего, опыт восприятия своего тела извне и анорексию. Автор убедительно показывает глубоко телесный характер обеих форм опыта. В свою очередь, *Мак-*

син Шитс-Джонстон (*Maxine Sheets-Jonstone*) доказывает, что упущение из виду кинестезии авторами, принадлежащими к течению «Embodied cognition» (воплощенное познание) не позволяет отдать должное кинетическому и оживленному (*animated*) характеру живых существ.

Мы однако ограничимся кратким рассмотрением раздела, посвященного психопатологии — области, в которой сотрудничество между феноменологией и наукой представляется действительно многообещающим. Роль феноменологии в прояснении психиатрических расстройств как нарушений нормального функционирования сознания убедительно представлена в статье *Т. Фухса* «Феноменология и психопатология». Феноменология исходит из целостного понимания пациента, его бытия-в-мире, которое как раз и претерпевает патологические изменения (нарушения затрагивают «я» в его отношении к миру и к другим). Корни ментального расстройства усматриваются здесь в дорефлективном, пренотическом опыте пациента — нарушаются базовые функции сознания, такие как само-сознание, темпоральность, телесность, интересубъективность. Важно не просто перечислить симптомы и дисфункции, но понять, каким образом пациенты пытаются осмыслить расстройство и предпринять попытки (обреченные на провал, ибо патологически мотивированные) восстановить некоторую форму связности своей личности, а вернее — бытия в мире и бытия с другими; феноменология воспринимает всерьез субъективный опыт пациента.

Фухс рассматривает патологические изменения трех основных составляющих человеческой субъективности — телесности, темпоральности и интересубъективности. Более того, каждая из этих форм субъективности рассматривается с учетом двух форм опыта «я»: базового, минимального или центрального «я» (*core self* у *Дамазео*) или же «протяженного», нарративного «я». Первое характеризуется телесностью (*Leib*), ретенциально-протенциальной структурой темпоральности и первичной (диадической) интересубъективностью. Второму присуще рефлексивное самосознание (с его самообъективацией, исходящей из способности объективировать свое тело и развивающей эту способность в социальном пространстве), нарративная, автобиографическая темпоральность, а также интересубъективность, позволяющая смотреть на себя глазами других (с последующей интериоризацией) — переход из эгоцентрического в аллоцентрическое пространство. Если первая форма самосознания описывается при помощи понятия телесной схемы или субъектного тела (*Leib*), то вторую характеризует понятие телесного образа или объектного тела (*Körper*).

В результате получается шесть «граней» сознания, каждая из которых подвержена соответствующим формам расстройства — телесность, темпоральность и интересубъективность в своей базовой или же более «высокой» форме.

В частности, Фухс показывает, каким образом шизофрения затрагивает телесность в ее базовом, дорефлективном измерении, дезинтегрируя привычные и обычно автоматические виды деятельности, провоцируя гиперрефлективное сознание тех аспектов повседневного поведения, которые обычно молчаливо-имплицитны. Дорефлективное и привычное телесное отношение *я — мир* пересматривается пациентом с тщательным усилием — нарушена телесная схема. Напротив, такие расстройства, как дисморфофобия и анорексия затрагивают телесный образ (Körper). В анорексии разрывается нормальная диалектика между субъектным и объектным телом, она превращается в порочный круг, отмеченный дуализмом.

Базовая, имплицитная темпоральность сознательного опыта также поражается в шизофрении. Причем затрагивается именно протенциальная функция, ответственная за чувство авторства своих действий у субъекта — таким образом, первичная направленность к будущему серьезно повреждена. Этот феноменологический анализ подтверждается нейрофизиологическими данными, согласно которым нарушение протенциальной функции при шизофрении соответствует дисфункции префронтальной коры мозга и ее связи с функциями мозжечка и таламуса. Симметричным примером расстройства нарративной, автобиографической формы темпоральности служит пограничное расстройство личности, при котором нарушено чувство непрерывности личности.

Что касается интересубъективности, то Т. Фухс стремится показать, что у пациентов, страдающих аутизмом или шизофренией наблюдается базовое нарушение бытия-с-другими.

Первичная интересубъективность — это телесный резонанс с другим, «межтелесность», опосредованная системой зеркальных нейронов в премоторной коре. Вторичная интересубъективность рождается вместе с феноменом разделяемого внимания к объектам в конкретной ситуации — она уже триадична. Диадическая интересубъективность *я — ты* открывается прагматическому контексту, вещам в мире — действия других начинают восприниматься в конкретных контекстах как интенциональные акты, а сами другие — как их деятели. В контексте совместной деятельности ребенок начинает и себя воспринимать глазами других в качестве такого деятеля. И диадическая, и триадическая формы интересубъективности, разумеется, продолжают действовать во взрослом субъекте.

Автор показывает, что аутизм затрагивает именно базовую телесную форму интересубъективности — у аутистов наблюдаются повышенные трудности при интеграции зрительных, кинестетических, вестибулярных и тактильных ощущений, а именно на такой интеграции основано диадическое взаимодействие с другим. В свою очередь, при шизофрении поражение базового самосознания затрагивает также и вторичную интересубъективность

с ее более четким разделением *я* — *Другой*. Именно эта демаркационная линия зачастую оказывается размытой при такой патологии.

Критическому читателю может показаться, что различные формы психопатологии слишком легко вписываются в заданную схему. Кажется, однако, что этот упрек в данном случае несправедлив: так, пример шизофрении показывает, каким образом *все* основные структуры сознания могут подвергнуться патологическому изменению, что, в свою очередь, наводит на мысль о тесной взаимосвязанности темпоральности, телесности, интерсубъективности и самосознания. Можно сказать, напротив, что феноменология предоставляет значительно более целостное видение патологии в контексте всего бытия-в-мире пациента, чем менталистские и чрезмерно когнитивные модели, бытующие в современной психиатрии. Психиатр-феноменолог далек от упрощений, сводящих расстройство к некоему повреждению мозга: напротив, он усматривает круговую взаимосвязь между нейрофизиологическими и субъективными факторами, а также факторами среды и социума.

В своей статье «Аутоскопия: разделенное “я” при психиатрических расстройствах и аномальных состояниях сознания» *А. Мишара* также исходит из динамической взаимосвязи между телесной схемой и телесным образом, или же между субъектным телом и объектным телом, между «я» и «мое» (а также между моторным «я» и «я» восприятия). Отношение с другими субъектами, представляющее собой попеременное самовосприятие в качестве субъекта и в качестве объекта для другого субъекта, переносится на отношение субъекта к себе самому, становясь внутренней динамикой его «я», самой его структурой — следовательно, телесная субъектность корнями уходит в интерсубъективность. Упомянутая внутренняя (впрочем, не вполне внутренняя) динамика — не что иное, как динамическая связь между телесной схемой и телесным образом. Именно эта взаимосвязь оказывается нарушенной при аутокопии — опыте, при котором субъект видит свое лицо или все тело извне — причем это нарушение имеет разные формы при разных видах аутокопии. *А. Мишара* выделяет четыре вида аутокопии. При первом типе субъект видит двойника, но не верит в его реальность. При втором типе ощущается реальность двойника, который как раз воспринимается в качестве более реального, чем сам (деперсонализированный) субъект — двойник более деятелен, тогда как собственное тело ощущается пустым и невесомым; двойник может выполнять действия, которые сам субъект намеревался сделать перед патологическим опытом. Наиболее известен третий тип аутокопии — восприятие своего тела извне, когда субъект идентифицируется с «я», которое отделяется от «мое» (и, соответственно, телесная схема — от телесного образа). Наконец, аутокопия четвертого типа заключается в восприятии призрачного присутствия и в ощущении, будто за субъектом некто наблюдает. Автор полагает, что при аутокопии происходит наруше-

ние телесной интерсубъективности, обеспечивающей отношение взаимности между «я» и другим («я» и другой имеют одинаковый статус и отражают друг друга) и опосредованной непрерывным дорефлексивным «эфферентным связыванием» телесной схемы и телесного образа; следовательно, аутоскопия разрывает связь между *Leib* и *Körper*. Так, при аутокопии третьего типа телесная схема незатронута — она обеспечивает перспективу первого лица, но ощущается в качестве отделенной от телесного образа; таким образом, субъект ощущает себя свободным от объектного тела. Напротив, при аутокопии второго типа функции телесной схемы (и, соответственно, субъектное «я») «делегированы» двойнику, а за самим субъектом остается лишь его объектный аспект. В обоих случаях оказывается невозможным нормальный динамический переход от активного «я» к объектному «я» и наоборот, который и составляет существо нашего самосознания. В свою очередь, аутоскопия первого типа свидетельствует о нарушении телесного образа.

Аутоскопия свидетельствует не только о разрыве связи между телесной схемой и телесным образом, но и о дорефлексивной попытке восстановления нарушенного компонента — например, в аутокопии второго типа затронутая телесная схема сохранена благодаря тому, что она «приписывается» двойнику; имеет место попытка сохранить «я» путем реорганизации опыта — нечто подобное мы наблюдали, говоря о патологиях, описанных *Т. Фухсом*. *А. Мишара* приводит также нейрофизиологические обоснования данного описания аутокопии, однако мы не можем на этом остановиться в нашей рецензии. Если в статье *Т. Фухса* феноменология была призвана прояснить и систематизировать психиатрические расстройства, то в статье *Мишара* можно увидеть обратную связь: описание аномального состояния сознания здесь проливает свет на нормальное его функционирование и позволяет вычленивать (на опыте!) те его компоненты, которые обычно действуют в динамическом сцеплении. Аутоскопия определенным образом подтверждает феноменологическую дистинкцию телесной схемы и телесного образа.

Несомненно, представленный здесь нами сборник достоин внимания как со стороны феноменологов, так и со стороны представителей когнитивной науки. Он явственно показывает потенциал феноменологии в прояснении многих проблем современной науки о сознании. Нет сомнения, что экзегетическое прочтение работ феноменологов прошлого — важная и нужная работа. Однако феноменология — это та почва, которая нуждается не только в постоянной перепашке, но и в посеве. Само перепахивание плодородной почвы, как бы ни было оно полезно, не принесет урожая, а феноменология, как можно убедиться на примере этого сборника — несомненно, плодородная почва, и семя современной научной проблематики, брошенное в эту почву, обещает принести богатый и разнообразный урожай.

Федор Станжевский